

Интервью с Рафаэлем Виньоли AD magazine 2006

Кто такой был Рафаэль, все знают: великий живописец и архитектор Ренессанса. Фамилия Виньоли, вернее, Виньола, тоже любому искусствоведа знакома: прославленный архитектор XVI века, создатель собственного варианта античных ордеров. Уругвайскому юноше по имени Рафаэль Виньоли на роду написано было стать архитектором. Что он и сделал. Правда, по его словам, случайно – пришел в колледж и ошибся дверью. Шутка, конечно, на самом деле архитектурой занималась его мама, он выбрал профессию под ее влиянием.

Рафаэль Виньоли – своеобразный архитектор. Сорок лет карьеры, множество крупных построек, известное имя, великолепная репутация в профессиональном сообществе. При этом единственная по-настоящему громкая история в его жизни – участие в конкурсе на восстановление WTC. Международная команда Think! (в нее входили Виньоли, Сигеру Бан, Фредерик Шварц и Кен Смит) конкурс вроде как выиграла, но потом оказалась на втором месте, и заказ достался Либескинду. Начинать беседу с вопросов о скандале как-то неловко. Потому к нью-йоркскому офису Виньоли – низкому, с арочными окнами бывшему складу в районе Сохо, который он сам же несколько лет назад перестроил, – я подходила в некоторой растерянности.

Рафаэль – в офисе его называют только по имени – на встречу опоздал и прибежал запыхавшись. Маленький, смешной человечек в колготочном свитере и потертых джинсах, с растрепанной седой шевелюрой и четырьмя очками: одни на носу, двое на шее и еще одни подняты на лоб. Изобилие оптики – фирменный знак Виньоли, он всегда так ходит. Раньше очков было трое. Он улыбчив, мил и в сущности очень обаятелен – похож на какого-то положительного мультяшного паука. На вопросы отвечает обстоятельно, со смешным испанским акцентом и массой слов-паразитов.

Одна из самых заметных построек Виньоли в последние годы – театр Curve (“Кривая”) в английском городе Лестере. В театре два зала, на 750 и 350 мест.

Самый безопасный вопрос для начала – из серии “Все мы знаем ваши достижения, но чем вы сами больше всего гордитесь?” Ход правильный – Виньоли откидывается на стуле с очень довольным выражением лица, как человек, которому принесли в ресторане хорошую закуску:

– Самый первый дом, который я построил, – столярная мастерская в университете, где я учился. Ее давно уже снесли, но проект был важный: в восемнадцать лет я раз и навсегда понял разницу между рисунком и его объемным воплощением. Потом – центр цветного

телевидения в Аргентине в 1978-м. Международный форум в Токио. Один из последних проектов – генетическая лаборатория в Принстоне. И еще маленький дом “Пианино”, я построил его для себя.

Четко, внятно, просто, системно: Виньоли назвал свои первый, последний, большой, маленький и самый сложный объекты. Рациональность – вообще главная его черта. Хороший пример – вопрос о профессиональной неудаче: девять из десяти архитекторов скажут о несостоявшемся проекте или проигранном конкурсе. Виньоли называет конкретный объект – дом в Пенсильвании. Не сработался с клиентом. И это человек, которому сам бог велел жаловаться на проигранный конкурс!

Вид на театр Curve с улицы Ратланд, на которой он расположен. Металлические конструкции внешнего ограждения рассчитаны так, чтобы их можно было раздвигать, открывая сцену взорам прохожих.

Спрашиваю его об этом. Виньоли заметно напрягается – улыбка становится натянутой:

– Ну мы, вообще-то, конкурс этот выиграли. Поймите меня правильно, я не из-за проигрыша расстраиваюсь.

Важный проект теперь на грани провала. А я мог бы его осуществить.

– Либескинд сделал плохой проект?

– Он не градостроитель. У него была красивая идея, но от нее ничего не осталось. Потому что организация не продумана. Глупо рассчитывать, что такая масштабная стройка может финансироваться из частных источников, как обычная коммерческая недвижимость. В нашем проекте Всемирного культурного центра с самого начала было сказано, что дело это общественное. Он, между прочим, и дешевле был, и восстанавливал панораму Манхэттена. То, что там происходит, – доказательство неспособности города собраться, вернуть себе лицо. Профессиональный архитектор мог решить эту задачу.

Я знаю, что он имеет в виду: накануне интервью я ходила на “нулевую площадку” посмотреть, как идет либескиндовская стройка. На площадке, освещенной для мемориальности прожекторами, не происходит ровным счетом ничего. Нулевая активность. Мне кажется, что история с WTC – пример того, как поэзия сталкивается с реальностью, конец мифа об архитекторе-творце, который может переkreить мир под себя. Спрашиваю Виньоли, много ли в его профессии творческой свободы.

– Архитектура не должна брать на себя решение глобальных проблем, но и в сферу услуг превращаться ей тоже нельзя. Как-то принято проводить грань – либо ты творец, либо технарь. Но я ни то, ни другое – я архитектор. Работая, я думаю о конструкциях, об экономике, о культуре, о личности заказчика. Нельзя трактовать архитектуру как “большую скульптуру, в которую можно войти”. Мы живем в интересное время. Люди готовы что угодно “проглотить”, так как их убедили, что художник должен быть свободным. Можно успешную карьеру построить, диктуя людям свою эстетику. Но на архитекторе лежит большая ответственность: его работа способна сильно испортить окружающий мир.

Одна из последних работ Виньоли – Центр визуальных искусств в Колчестере (Англия). Центр открылся в 2011 году и наделал много шума в прессе: эффектная конструкция, завернутая в золотистый металл, строилась долго и с большим превышением бюджета.

Собственная карьера Виньоли состоит из двух частей. Первая – работа в Латинской Америке: с середины 1960-х до конца 1970-х он построил в разных странах континента несколько десятков зданий. В США начал все с чистого листа. Говорит, что причины эмиграции были сугубо политические: “В тех условиях, что сложились в Уругвае, ни я, ни моя семья нормально жить не могли”. Невольно возникает вопрос: может быть, разговоры об ответственности архитектора – печальные выводы человека, который отказался от творческой свободы, потому что работает на чужой земле? Спрашиваю – сильно ли он изменился за эти годы?

– Надеюсь, что да. Архитектор не должен быть рабом “фирменного стиля”. Публика ждет от тебя мятых титановых листов – и ты их строишь, что в Африке, что в Швеции. Если к нашей профессии подходить грамотно, думать о каждом проекте, то повториться просто невозможно.

Виньоли трактует отсутствие яркого стиля как признак профессиональной гибкости. Здоровый цинизм – “профи справится со всем” – удобная позиция в ситуации, когда приходится брать любой заказ.

– Разница между частным домом и общественным заказом – вопрос работы с разными масштабами. Как в музыке – Бах писал и сонаты, и мессы. Малеру удавались лишь симфонии. А вот мебельным дизайном архитекторам заниматься не стоит: это разные профессии.

Художественный музей Fortabat в Буэнос-Айресе Виньоли построил в 2008 году. На площади в 6000 м² разместилась коллекция аргентинской и европейской живописи, собранная Марией Амалией Лакросе де Фортабат. У здания крыша-трансформер, которая частично открывается и закрывается в зависимости от солнечного освещения.

В речи Виньоли много музыкальных метафор. В молодости, до того как ошибиться дверью и поступить на архитектуру, он собирался стать пианистом. У него в офисе и теперь стоят два рояля Steinway & Sons, на крышке лежат раскрытые ноты моцартовской сонаты. Забавно – его “враг” Либескинд тоже пианист. Говорю об этом. Виньоли смеется:

– Нет, он не пианист. То есть он умеет, конечно, играть на рояле, но учился он аккордеону. Это совсем другое дело.

Вопиющая несправедливость и неправда. Я вступаю за Либескинда:

– А он говорит, что на рояле...

– Он вообще много всяких слов говорит. Этого недостаточно.

– Вы не верите в слова?

– Слова должны выражать идеи. Сила конструктивизма – в стоящей за ним идеологии. Идеология движет архитектурой, как мотор.

Неожиданное марксистское заявление. Какой идеологии следует он?

– Мы живем в мире, где люди не могут реализовать себя. Мы должны с этим бороться. Я верю в социальную справедливость.

– Вы общаетесь с архитекторами в Латинской Америке?

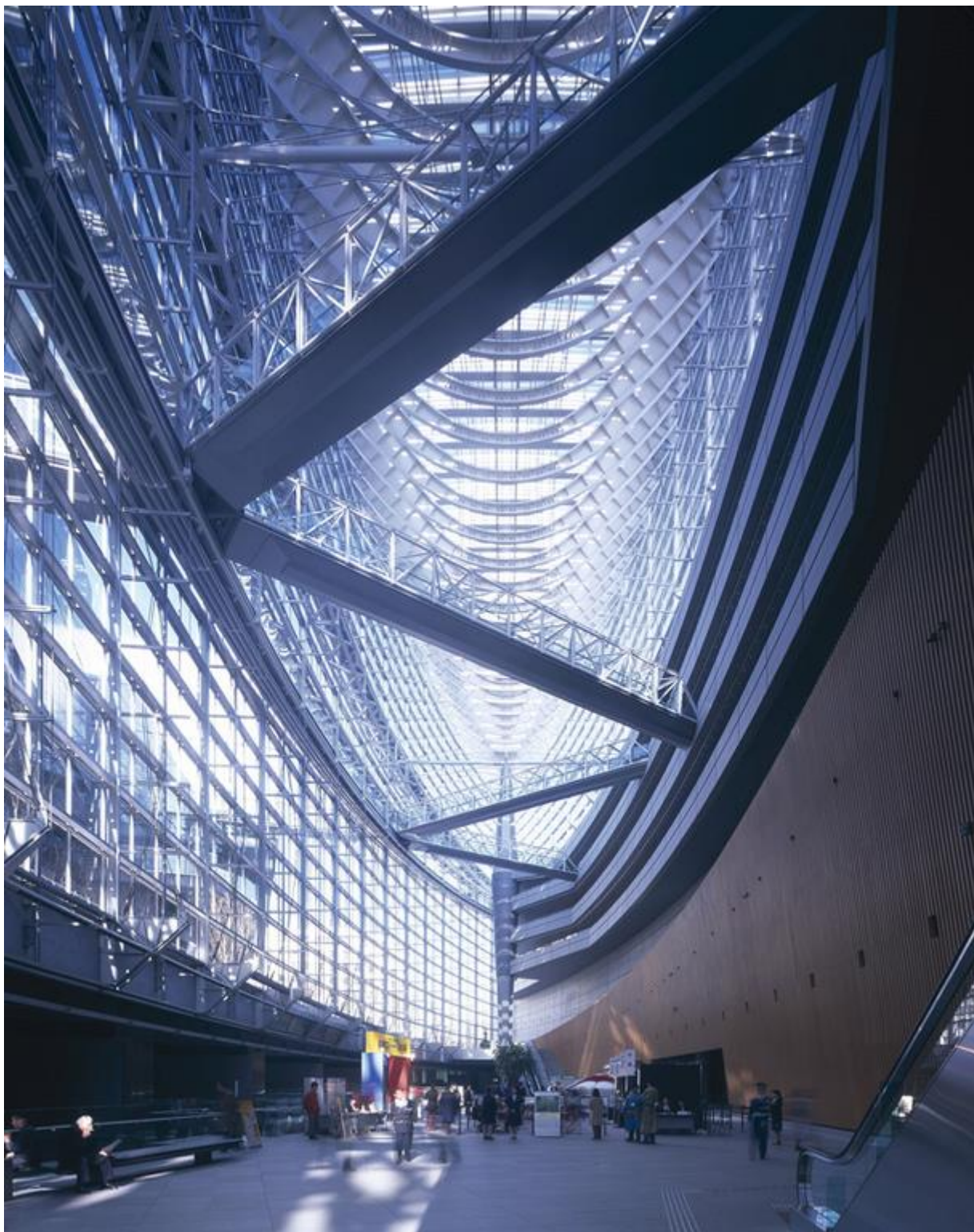
– О да. Там масса отличных людей, о которых мир ничего не знает.

– Вы им помогаете, поддерживаете как-то?

Виньоли искренне удивляется:

– С какой стати мне помогать людям, которые ничем не хуже меня?

Наконец-то я понимаю его. Профессионализм, ответственность, разумный подход к проекту... Все это маски. Его настоящая позиция – каждый сам за себя, все средства хороши, нет скучных заказов. А коллеги пусть тоже покажут, на что способны, на то и здоровая конкуренция. Правильная установка для человека, который решил завоевать Америку и, в общем, добился своего. И правда на его стороне. Потому что, пока его соперники возводят музеи современного искусства и получают громкую прессу, Виньоли тихонько строит колледжи и лаборатории – места, где создается будущее. В нем, вполне возможно, будут царить равные возможности. Что полностью отвечает заявленной идеологии.

Интерьер многофункционального общественного комплекса International Forum в Токио (1996).
Использование массы изогнутых стальных форм для придания архитектуре эффектности для Виньоли очень характерно.

Беседовала Евгения Микулина

№4 (39) АПРЕЛЬ 2006

http://www.admagazine.ru/arch/13710_interview-with-rafael-vinoly.php